

Сюй Фэй, в очередной раз наткнувшись на короткие гудки в трубке, раздраженно выдохнула и набрала другой номер — Вэнь Ти.

Вэнь Ти был вторым актером, которого Сюй Фэй возвела на престол Киноимператора. В отличие от тех юных гениев, что блистали с пеленок и просыпались знаменитыми, он пришел в индустрию десятилетним ребенком. За семнадцать лет он сыграл почти в сотне картин, заслужив в профессиональных кругах репутацию неистового трудоголика.

В незрелой юности он плохо ориентировался в хитросплетениях закулисных интриг и не раз упускал заслуженную награду буквально из-под носа. Позже, повзрослев, он мало-помалу обзавелся связями, но совершил роковую ошибку — перешел дорогу своенравной дочери владельца «Императорского двора». Расплата оказалась жестокой: его заперли в золотую клетку забвения, предав опале на долгие шесть лет.

С девятнадцати до двадцати пяти — лучшие, золотые годы любого актера были заживо похоронены.

Пытаясь вырваться из небытия, он метался из крайности в крайность: шел на вокальные и танцевальные телешоу, стирая ноги в кровь на репетициях, чтобы на равных соперничать с молодыми выпускниками академий.

Он соглашался на изнурительные съемки в реалити-шоу в глухих горных деревнях, надеясь выстроить образ благородного, безупречного джентльмена.

Но все его жертвы рассыпались в прах под безжалостными ножницами монтажеров.

Три месяца адского труда, без сна и нормальной воды, оборачивались жалкими десятью минутами на экране, где он в лучшем случае служил безликим фоном. Единственную случайную жалобу, сорвавшуюся в минуту крайнего утомления, раздули до небес, выставив его капризной звездой с непомерным эго.

На кастингах, даже когда он выкладывался на двести процентов и затмевал всех конкурентов, роли все равно отдавали блатным любимчикам продюсеров.

Если бы не проницательность Сюй Фэй, разглядевшей его в этой яме, его путь обратно к свету превратился бы в бесконечную пытку. И пусть теперь Вэнь Ти официально носил титул Киноимператора, он прекрасно помнил: она была единственной, кто протянул ему руку, когда он лежал на самом дне пропасти.

— Это Сюй Фэй.

— Фэй-цзе, что-то случилось? — в трубке зазвучал мягкий, ровный голос Вэнь Ти, чистый и прохладный, точно родниковая вода.

От этого звука у Сюй Фэй сразу отлегло от сердца:

— Да ничего особенного. Хотела попросить тебя об услуге.

— К чему эти церемонии, Фэй-цзе? Твои заботы — мои заботы. Говори прямо, что нужно сделать.

— Через полмесяца мы заканчиваем отбор стажеров для «Национального идола» — всего сто один человек. Я хочу, чтобы ты вошел в судейский состав. Станешь наставником.

— Для меня это большая честь. Я попрошу специального помощника Цина освободить эти даты в моем графике.

— Спасибо тебе, выручил... Да, есть еще кое-что. Сегодня я заезжала к Шаоцзюню. У него в заведении работает один парень, официант. Уж очень он мне приглянулся.

Вэнь Ти, мгновенно уловив намек, спросил:

— Как его зовут? Завтра же велю Цин Лэну оформить его перевод.

— Перевод пока откладывается. Мальчишка упрямится, не хочет ко мне идти. Его зовут Ли Шуинь. Просто пробей его по своим каналам, пусть соберут досье.

— Разве для этого мало одного слова Шаоцзюню?

Сюй Фэй задумчиво постучала пальцами по рулевому колесу и коротко, язвительно усмехнулась:

— Детки входят в пору бунтарства. Рано или поздно они все перестают слушаться.

— О как? Не хочет? — Вэнь Ти говорил с наигранным любопытством, не сводя взгляда с Цин Лэна, застывшего у обеденного стола. Он даже не пытался прижать трубку плотнее к уху, намеренно позволяя каждому слову разноситься по комнате. — Надо же, у твоего специального помощника люди теперь поважнее самого Киноимператора будут. Твои методы воспитания, Цин Лэн, как всегда, на высоте.

Цин Лэн медленно поднял на него свои бесцветные, холодные глаза, но промолчал.

Вместо этого он перевел взгляд на Шан Цзинсина, сидевшего рядом с Вэнь Ти, ловя малейшие изменения на его лице.

Шан Цзинсин не произнес ни слова. Его длинные, утонченные пальцы уверенно сжимали отполированный до блеска нож, мерно и неторопливо нарезая стейк.

Каждое движение было выверено с хирургической точностью: куски ложились ровными полосами одинаковой ширины, миллиметр к миллиметру.

Острые едва касалось фарфора, но ни разу не издало ни единого скрежещающего звука.

Покончив с мясом, Шан Цзинсин пододвинул тарелку к Вэнь Ти. Затем небрежным, но властным жестом забрал у него телефон, сбросил вызов и перевернул аппарат экраном вниз.

— Ешь молча, — негромко скомандовал он.

Вэнь Ти брезгливо отодвинул тарелку:

— Я сам...

Он не успел договорить — Шан Цзинсин посмотрел на него так ледяно и пронизывающе, что слова застряли в горле.

Вэнь Ти притих. Не решаясь больше перечить, он послушно взял вилку и принялся заталкивать в себя куски мяса.

Этот мужчина был настоящим дьяволом, способным ободрать плоть до костей. Он обводил тело Вэнь Ти глубоким, темно-серым взглядом, точно ядовитыми змеями, удушая и лишая воли.

Резкие, безупречно очерченные черты лица Шан Цзинсина несли в себе хищную, пугающую красоту увядающей розы. Длинные, выкрашенные в глубокий черный цвет волосы шелковым водопадом ниспадали на спину. В нем было что-то от призрачных, зловещих господ из старинных мистических преданий — веющих могильным холодом, пугающих и прекрасных одновременно.

Когда-то его визитной карточкой были эксцентричность и демонический шарм. Но сейчас, глядя на это лицо, которое могло бы затмить красотой любую женщину, Вэнь Ти чувствовал лишь непреодолимое, глубокое отвращение. Еда не лезла в горло.

Никто лучше него не знал, какая гниль скрывается под этой великолепной личиной. Из-за этого сходства Вэнь Ти, обычно мягкий и покладистый, ошетикивался всеми иглами при виде любого незнакомца, хоть каплей похожего на его мучителя.

Именно Шан Цзинсин превратил его в запуганного, издерганного психопата. И слова о пластической хирургии, сказанные Ли Шуиню, не были шуткой — Вэнь Ти действительно

безумно хотел перекроить собственное лицо, лишь бы навсегда разрушить эту проклятую клетку.

Под тяжелым взглядом хозяина дома Вэнь Ти давился полусырым, сочащимся кровью мясом.

Он ненавидел недожаренное мясо. В нем не было ни нежности, ни вкуса — один лишь удушливый, металлический привкус крови.

Едва проглотив последний кусок, он резко поднялся из-за стола:

— Я все.

— Завтра съемки в новом шоу, мне нужно отдохнуть.

Он почти побежал к выходу, но у самого порога Шан Цзинсин мертвой хваткой перехватил его за запястье.

— Ну надо же, какие мы обидчивые. Подумаешь, навести справки о каком-то оборванце. Я велю Цин Лэну все разузнать, только не злись, — Шан Цзинсин слегка приподнял брови, глядя на него с фальшивой, приторной нежностью.

— Не стоит утруждаться, я разберусь сам. Господин Цин — птица слишком высокого полета, чтобы прислуживать мне. Я свое место знаю, — Вэнь Ти бросил короткий, колкий взгляд на стоявшего в стороне помощника, силой высвободил руку и зашагал вверх по лестнице.

Шан Цзинсин проводил его взглядом. На мгновение в его глазах промелькнуло растерянное разочарование, но оно тут же сгорело в бешеной, неуправляемой ярости. Весь этот гнев мертвым грузом обрушился на Цин Лэна.

Сверкающий столовый нож со свистом полетел прямо в лицо помощника. Цин Лэн даже не вздрогнул. Он мог бы уклониться, но остался стоять на месте, безвольно наблюдая, как острое лезвие прорезает кожу на его щеке и с глухим звоном отлетает на паркет.

По лицу потекла тонкая струйка теплой крови. Боль обожгла кожу.

Но он не посмел даже пошевелиться, молча принимая на себя чужую ярость.

— Дай ему все, чего он захочет!

— И приструни своих шавок. Если такое повторится еще раз — клянусь, пострадает не только твоя смазливая рожа! — Шан Цзинсин резко развернулся и бросился догонять Вэнь Ти.

Тяжелые, яростные шаги эхом отдавались в груди Цин Лэна.

Когда гроза миновала, он наконец поднял руку и небрежно стер кровь со щеки.

Он был обязан Шан Цзинсину тремя жизнями. И если бы тот потребовал его голову, он отдал бы ее без колебаний.

В этом доме каждый, абсолютно каждый был заперт в своей персональной клетке.

Без назойливой Сюй Фэй жизнь Ли Шуиня потекла на удивление размеренно. Время тянулось лениво, порой навевая глухую тоску.

На днях он наконец-то забрал готовое удостоверение личности. Держа в руках новенький пластиковый прямоугольник, он не чувствовал ровным счетом ничего — ни облегчения, ни радости.

Это был второй раз в жизни, когда он получал документы. В первый раз Ли Ли силой притащил его в фотоателье.

Тогда отчим заставил его сменить фамилию, вписав в новенький паспорт это наспех выдуманное имя.

Он не был Ли. И никогда не был Шуинем.

И парень понятия не имел, выпадет ли ему когда-нибудь шанс вернуть свое настоящее имя.

В этом огромном, сверкающем огнями мегаполисе он чувствовал себя чужаком, лишенным корней.

Когда-то, в прошлой жизни, Писи был всего лишь захудалым уездом на самой границе с провинциями, даже не входящим в черту столицы.

Теперь же ненасытный город разросся, поглотив окрестные земли, и превратил Писи в один из своих отдаленных спальных районов.

Мир вокруг неся вперед с бешеной скоростью, но внутри него все оставалось прежним.

Солнце восходило и заходило, отсчитывая пустые дни.

Цин Лэн славился безупречной исполнительностью. Не прошло и суток, как на его столе лежали все сведения о Ли Шуине за последние годы.

Однако, взглянув на этот куцый, уместающийся на одном листке отчет, он невольно нахмурился.

Он велел перепроверить информацию, задействовав дополнительные каналы, но результат остался прежним — все та же сиротливая страница.

Цин Лэн взял в руки прикрепленную к делу фотографию. Вглядевшись в профиль юноши, он почувствовал, как по спине пробежал холодок.

Несмотря на то что снимок был сделан сбоку, в этих чертах отчетливо, пугающе сквозила тень Шан Цзинсина.

Того, кто твердил о сходстве Ли Шуиня с Шан Янем, просто никогда не видели молодого главы семейства вживую.

В сознании Цин Лэна очертания лица этого мальчишки идеально, без единого штриха наложились на образ Шан Цзинсина.

Это был тот самый парень, которого он встретил у дверей агентства LS несколько дней назад.

Неудивительно, что его лицо тогда показалось ему смутно знакомым.

Если бы Цин Лэн не знал Шан Цзинсина так близко и так давно, он бы поклялся, что Ли Шуинь — его тайный, внебрачный сын.

Он продолжил изучать бумаги. Странно, но какие бы архивы они ни поднимали, им удавалось откопать данные лишь за последние семь лет. Более ранний период его жизни тонул в густом тумане противоречивых слухов и домыслов.

Согласно собранным крупным данным информации, Ли Шуинь вырос в глухой деревушке округа Сиин. Мать умерла, когда он был совсем ребенком. Отец, Ли Ли, оказался прожженным негодяем и торговцем людьми. После смерти жены он забрал сына в город, сделав его невольным соучастником своих грязных дел.

Мальчишка рос удивительно красивым. Ли Ли безжалостно пользовался этим: морил ребенка голодом, доводя до изнеможения, а затем отправлял побирушкой на улицы, где тот своей ангельской внешностью вызывал жалость у доверчивых женщин. Стоило жертве ослабить

бдительность, как банда Ли Ли похищала несчастных, увозя в глухие провинции на продажу.

Но Ли Шуинь раз за разом ухитрялся срывать их планы. Каждая неудача оборачивалась для него жестокими побоями — отчим избивал его до полусмерти. В конце концов Ли Ли просто отказался от идеи использовать его в своих делах и сослал пасынка обратно в деревню.

Спустя какое-то время отчим вместе с двумя подельниками притащил в дом трех похищенных девушек, намереваясь сбыть их местным старым бобылям в качестве безропотных жен.

Забитый, нелюдимый и лишенный какого-либо образования Ли Шуинь изо дня в день наблюдал за пленницами. Девушки были городскими, холеными, нежными — совсем из другого, недостижимого мира. Постепенно он привязался к ним.

В один из вечеров мертвецки пьяный Ли Ли попытался надругаться над одной из заложниц. Ли Шуинь бросился на защиту. Завязалась драка, закончившаяся тем, что парень разбил пивную бутылку и насмерть заколол отчима осколком стекла.

Суд счел его действия умышленным убийством, превысившим рамки необходимой обороны, несмотря на то что спасенные девушки выступали главными свидетелями защиты. Ли Шуиня приговорили к десяти годам колонии.

Для патриархального Сиина это дело стало настоящей информационной бомбой: похищения, насилие, отцеубийство... Судебная машина сработала молниеносно, быстро оформив приговор.

Первые четыре года Ли Шуинь провел в местной воспитательной колонии для несовершеннолетних. Там и случился коренной перелом в его судьбе: парень предотвратил резню, заслонив собой и спасая нескольких детей. Мать одного из спасенных ребятишек подняла на ноги общественность, организовала комитет родителей и добилась для него сокращения срока на два года.

После совершеннолетия его перевели в тюрьму строгого режима в Северном городе. В марте прошлого года там вспыхнул страшный пожар, и Ли Шуинь, вытаскивая людей из огня, заработал еще один год амнистии.

Совсем недавно он вышел на свободу и устроился официантом в «Процветающее Величие».

Цин Лэн задумчиво побарабанил пальцами по столу.

Зачем Сюй Фэй сдался этот бывший зэк с такой запятнанной биографией?

Сложив бумаги в аккуратную стопку, он направился в покои Вэнь Ти.

— Господин Вэнь, вот документы, которые вы просили.

— Оставь на столе и можешь идти, — бросил Вэнь Ти, даже не повернув головы. Он стоял перед зеркалом, придирчиво поправляя манжеты рубашки и застегивая запонки с крупными рубинами.

Цин Лэн давно привык к его пренебрежительному, почти хозяйскому тону. Молча опустив папку на деревянную столешницу, он сверился с расписанием:

— Я подготовлю машину. Жду вас у входа.

Стоило двери за помощником закрыться, как со спины к Вэнь Ти бесшумно прижалось горячее тело.

Низкий, вкрадчивый шепот обжег ухо, заставив вздрогнуть от неприятного спазма:

— Куда это ты собрался сегодня?

Вэнь Ти, стараясь не выдавать брезгливости, мягко, но решительно высвободился из объятий. Он потянулся к часовой шкатулке, застегивая ремешок на ходу:

— На съемки «Сияющей новой звезды». Меня пригласили в качестве особого гостя на этот выпуск.

— Я поеду с тобой, — Шан Цзинсин снова обвил руками его талию, обжигая шею горячим дыханием.

Кожа Вэнь Ти мгновенно покрылась мурашками от отвращения. Внутри закипало глухое раздражение:

— Там будет твой обожаемый сынок, Шан Янь. Поезжай лучше с ним, а меня отвезет специальный помощник Цин.

— Неужели ты ревнуешь? — на губах Шан Цзинсина заиграла капризная, порочная улыбка.

Вэнь Ти мысленно сплюнул.

«Ревную? Ну да, разбежался. Катись к черту со своей ревностью!»

Однако вслух он постарался произнести максимально ровно:

— Тебе не понравится этот балаган. Ты председатель совета директоров огромной корпорации, негоже тратить драгоценное время на такую ерунду.

Шан Цзинсин медленно наклонил голову и прищурился, и его пепельно-серые глаза повеяли могильной стужей:

— А если я все-таки хочу поехать?

— Твои ноги, тебе и решать. Никто тебя не удержит, — Вэнь Ти не стал развивать спор и решительно потянулся к дверной ручке.

Каждая секунда, проведенная в этой душной комнате, казалась ему пыткой.

Шан Цзинсин задумчиво крутанул на пальце тяжелое кольцо с тремя бриллиантами. На его губах проступила горькая, ядовитая усмешка.

Неужели он настолько ему противен?

В тот самый миг, когда Вэнь Ти уже готов был перешагнуть порог, Шан Цзинсин рванулся вперед, мертвой хваткой вцепился в его запястье, рванул назад и с силой впечатал лопатками в запертую дверь.

Высокий, поджарый силуэт навис над ним, перекрывая пути к отступлению:

— Вэнь Ти, предупреждаю: не смей играть с моим терпением! Ты слишком увлекся ролью капризного фаворита.

— Без меня ты — пустое место! Пыль под ногами! И на вершине ты держишься исключительно потому, что твои нищие родители наградили тебя этой смазливой мордой!

Сердце Вэнь Ти испуганно забилося о ребра. Длинные, холодные пальцы Шан Цзинсина сомкнулись на его горле — не сжимая до конца, но давая понять, как легко они могут оборвать его жизнь.

Ужас сковал тело, но Вэнь Ти пересилил себя, вздернул подбородок и с вызовом посмотрел прямо в серые змеиные глаза:

— Раз тебе так нравится эта рожа — сними с меня кожу. Забери ее себе. Слышишь? Я как-то жил без тебя двадцать семь лет, и дальше проживу.

Пальцы на его шее напряглись, но так и не решились сдавить горло. Шан Цзинсин лишь яростно процедил сквозь зубы:

— Иногда мне до безумия хочется свернуть твою упрямую шею!

Он с силой оттолкнул его от себя и, оглушительно грохнув дверью, вылетел вон.

Вэнь Ти шумно, прерывисто вдохнул воздух, массируя занемевшую шею. Чувство чудесного спасения из лап хищника медленно затапливало разум.

Он был всего лишь суррогатом. Жалким, бездушным слепком, который в глазах Шан Цзинсина не стоил и гроша, если бы не это проклятое лицо.

Благодаря этой маске он вернулся на экраны, получил лучшие контракты, взлетел на Олимп и делил блага с капризным маленьким наследником семьи Шан.

Наверное, другие на его месте сходили бы с ума от счастья. Но он не был игрушкой для утех. Он ненавидел мужчин, ненавидел это принуждение и не мог заставить себя покорно ластиться к монстру.

Он знал: этот липкий, грязный кошмар, в котором Шан Цзинсин впервые осквернил его тело, навсегда останется его личным адом. Темным, неистребимым призраком, который будет преследовать его до самой могилы.

<http://bllate.org/book/20478/2131907>